

М. Л. Бедрикова

**ББК 83.3(2)
УДК 821.161.1**

*М. Л. Бедрикова¹
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
mlbedrikova@gmail.com*

**ИДЕЙНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ ГЕРОЕВ-
ИНТЕЛЛИГЕНТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ М. ГОРЬКОГО
«ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА» В СВЕТЕ ЧЕХОВСКИХ
ЦЕННОСТЕЙ**

Статья посвящена актуальной проблеме нового прочтения произведений А. П. Чехова и М. Горького в аспекте понимания авторами гуманизма. «Чеховские ценности» – гарант сохранения русской культуры, её нравственных ценностей. В статье идейно-нравственные искания героев-интеллигентов в «Жизни Клим Самгина» Горького рассматриваются в сравнении с исканиями героев в повести «Моя жизнь» Чехова – в свете «чеховских ценностей». Существует общее «дискуссионное поле» в текстах классиков, посвященных теме интеллигенции в «переломное» время, а значит есть необходимость в его изучении. Каждый автор по-своему художественно исследует личность и судьбу интеллигента в её связях с эпохой. В свете собственной аксиологии писатели выражают предостережение современникам – об опасных последствиях для человека всякого рода косности, ограниченности, отсутствия развития, как и опасности радикальных «шагов». Преломление «чеховских ценностей» (его «святая святых») в повествовании Горького наблюдается на уровне содержания (борьба интеллигентов-народников «за свободу и культуру», против рабства во всех его проявлениях, распространение марксизма в конце XIX в.) и на уровне поэтики. В работе использован комплекс методов: историко-литературный, типологический, метод сравнительного анализа. «Матрица интерпретаций становится практически безбрежной», – таково мнение литературоведов в XXI веке [17, 19]. В статье полемически акцентируется *проблема* объективного подхода, уточнения взглядов литературоведения на феномен русской интеллигенции, специфику понимания

---

¹ Бедрикова Майя Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

нравственных ценностей XIX–XX вв., которые и по сей день хранит для будущих поколений великая русская литература.

Ключевые слова: М. Горький «Жизнь Клим Самгина», А. П. Чехов «Моя жизнь», гуманизм, русская интеллигенция

Введение. В XXI веке человек сталкивается с ситуациями нравственного выбора, с новыми реалиями жизни России и мира. *Актуальными* в чеховедении и горьковедении в настоящее время являются вопросы о мировоззрении, гуманистических взглядах А. П. Чехова и М. Горького, современника Русской революции 1917 г. В юбилейном 2020 году проводятся научные конференции, посвященные 160-летию А. П. Чехова, «Творчество А. П. Чехова в современном мире» [8], возникают новые направления в изучении наследия классика. В 2016 г. опубликована антология «А. П. Чехов: pro et contra» [17], а коллективная монография «Максим Горький: pro et contra, антология» увидела свет в 2018 [7]. Литературоведы, историки, философы обращались и обращаются к произведению «Жизнь Клим Самгина», чтобы осмыслить значение исторической эпохи рубежа XIX–XX вв., постичь смысл реалистически воссозданной Горьким «широкой панорамы русской жизни». Существует общая проблема «новых опытов чтения» [17, 7]. Современное чеховедение решает вопросы «освоения и присвоения Чехова русской культурой XX века» [17, 2]. И. Сухих предложил обозначить «этапы присвоения Чехова русской культурой» в виде формул: «освоение / осмысление (1886–1914); «канонизация (1914–1960); «интерпретация (1960 – ...)» [17, 19].

В XXI веке наследие Чехова и Горького, «чеховские ценности» воспринимаются как своего рода «ключ» к коду великой русской культуры. Горький представляется читателям разных поколений как восприимчивый чеховского гуманизма [11, 17], [14, 129]. Огромный интерес и к эпистолярному своду [15]. Документально запечатлён факт: писатели-гуманисты общались, были интересны друг другу, вели переписку на протяжении жизни. Чехов повлиял на становление молодого писателя Максима Горького (А. Пешкова), а сама история дружбы классиков обросла мифами, кроме того, «мифогенным» оказался и образ гуманиста, тип русского интеллигента. В данной работе поставлена цель – проанализировать идейно-нравственные искания героев-интеллигентов в произведении М. Горького «Жизнь Клим Самгина» в свете чеховских ценностей. А. П. Чехов (1860–1904) не мог знать поздние горьковские творения, но в первой трети XX в.

автор «Жизни Клим Самгина» (1927–1936) в ходе романного повествования продолжил «чеховскую линию», специально затрагивая этические проблемы, волнующие общество. Для сравнительного анализа нами выбраны тексты: повесть Горького «Жизнь Клим Самгина (Сорок лет)» (повесть – авторский жанр, первая часть) и повесть Чехова «Моя жизнь».

Специфика читательского «зрения» в процессе интерпретации образов героев Чехова и Горького определяет видение и понимание авторской позиции (в её соотносительности с оценкой субъекта). В 1960-е годы, когда были возвращены и акцентированы гуманистические ценности, утвердилась идея их преэминентности в общественном сознании и в литературе. Концепция личности периода «оттепели» заключала в себе идейно-нравственные искания «отцов», опыт минувших поколений – в лице Чехова, Горького и их героев: «Изучение творчества А. П. Чехова готовит учащихся к тому, чтобы они поняли горьковскую философию свободного человека, могли выразить свои познания, своё понимание эстетических и нравственных принципов» [11, 18].

В «дискуссионное поле» исканий героев естественно вписывался «новый гуманизм» Горького: «Какая роль в жизненном процессе принадлежит мне? Что я и мои сверстники получили от отцов, от минувших поколений? Почему Горький называет должность «быть человеком» превосходной?» [11, 18]. В этот же период в своём Дневнике Ю. М. Нагибин усомнился в верном понимании образа Чехова: «30 августа 1969 г. Почему-то у всех писавших о Чехове при добрых намерениях не получается обаятельного образа. <...> Писали, какой он тонкий, какой деликатный, образец скромности, терпения, выдержки, такта, и всё равно ничего не получается... И вдруг я понял, что то вина не авторов, а самого Чехова. Он не был по природе своей ни добр, ни мягок, ни щедр, ни кроток, ни даже деликатен» [9, 296]; «Убеждён, что живой Чехов был во сто крат интереснее и привлекательнее во всей своей мути и непростоте елейных писаний мемуаристов» [9, 297].

В 2000-е гг. мифы о писателях нередко предстают в иронических заметках, так, заметки о Горьком стали видом литературно-критического «продукта». В соответствии с прагматичным духом времени, в своём «саркастическом отступлении» (в «Пособии по новейшей литературе», 2012) З. Прилепин «знакомит» неискущённого читателя с Горьким-ловкачом и дельцом: «Написал великое множество отличных текстов, был успешным предпринимателем, сам зарабатывал и добрую дюжину литераторов сделал очень обеспеченными людьми...» [12, 88–89]. Высказывание

говорит о начитанности интерпретатора, общей культуре, «ценностной» ориентации. Налицо противоречие: что объективно? Пафосные характеристики М. Горького-живого классика, цитируемые нами по книге методиста Е. В. Перезовой, 1968 г., Минск [11], или саркастические «перлы» о Горьком-предпринимателе – писателя и блогера З. Прилепина в 2010-е гг.? «Матрица интерпретаций становится практически безбрежной» (И. Сухих) [17, 19]. Причины – в динамике восприятия литературной классики в российском обществе, в научных сферах (по сей день чеховеды вырабатывают концепции: «Чехов – отец русской демократии <...> мизантроп / экзистенциалист <...> одинокий моралист и прочие») [17, 12]. Приведенные примеры «крайностей» в восприятии классических текстов и личностей их авторов позволяют полемически заострить вопрос – об адекватном «чтении» и понимании читателями смысла, направленности идейно-нравственных исканий русской интеллигенции в XIX–XX вв. [4], [2], сути гуманистических ценностей, которые хранит для будущих поколений русская литература и культура в целом.

1. Характеристика исследования. Чеховскому повествованию присуща «коммуникативная открытость» как основополагающий принцип. Чехов подчеркивал активную роль своего читателя, который силой воображения непременно дополнит субъективные элементы в тексте. Главной формой для воссоздания идейно-нравственных исканий литературных героев является психологизм – «это та художественная форма, в которой литература осваивает становление человеческого характера, мировоззренческих основ личности» [5, 28]. Не утратили актуальности идеи А. Б. Есина о неразрывной связи между «расцветом психологизма в XIX в. и степенью интенсивности, напряженности и глубины идейно-нравственных поисков литературных героев» [5, 29]. Горький воспринял в своё время специфические приёмы именно поэтики Чехова для создания образов героев.

1.1. Гипотеза. Для подтверждения гипотезы о существовании общего «дискуссионного поля» в произведении «Жизнь Клима Самгина» и произведениях Чехова, посвященных судьбам интеллигентов, проведем сравнительный анализ ряда фрагментов из текста эпопеи Горького и повести Чехова «Моя жизнь» – в избранном аспекте. Следует уточнить, о каких «чеховских ценностях» идёт речь, – сквозь призму этих ценностей нами будет рассмотрена позиция Самгина, мировоззрение других персонажей из интеллигентного круга. Обратимся к тексту известного письма А. П. Чехова к А. Н. Плещееву. Чехов ясно проговаривает, каких позиций придерживается, на чём основана его философская система, его «программа» русского писателя.

Итак, 4 октября 1888 года писателем отмечено: «Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и – только, и жалею, что бог не дал мне силы, чтобы быть им. Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах <...>. Фирму и ярлык я считаю предрассудком. Мое святое святых – это *человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи*, в чем бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником» [15, 11]. В изображении определённых типов интеллигентов конца XIX века у Чехова и Горького наблюдаются точки «схождения», намечен общий «вектор» идейно-нравственных исканий как обязательный элемент в создании образа современника-человека умственного труда. Важно, что писатели изображают молодое поколение. Двадцатипятилетний Мисаил Полознев («Моя жизнь», 1896) относится к поколению интеллигентов конца девятнадцатого столетия, как и главный герой Самгин (ему двадцать пять – в конце первой и в начале второй части «Жизни Клима Самгина»). О рождении Клима Горький пишет развёрнуто-метафорически: «Первые годы жизни Клима совпали с годами отчаянной борьбы за свободу и культуру тех немногих людей, которые мужественно и беззащитно поставили себя «между молотом и наковальней», между правительством бездарного потомка талантливой немецкой принцессы и безграмотным народом, отупевшим в рабстве крепостного права <...>. Весной 79 года щёлкнул отчаянный выстрел Соловьёва, правительство ответило на него азиатскими репрессиями» [3, 7].

1.2. Методология исследования. В работе использован комплекс методов: историко-литературный, типологический, сравнительный анализ в избранном аспекте. Теоретической базой служат новейшие исследования горьковедов, а также труды исследователей творчества Чехова и комментарии к его письмам 1880-х годов. Базовой для статьи является концепция диалогизма М. М. Бахтина [1], а также идея О. К. Оляндер о диалогическом пространстве: «Поэтика романа «Жизнь Клима Самгина» такова, что она способна расширять, углублять, заставлять «дышать» диалогическое пространство духовной жизни России» [10, 727]. В случае сравнительного анализа сцен-дискуссий интеллигентов Чехова и Горького имеется в виду именно *единое – «диалогическое пространство духовной жизни России»* [10, 727].

1.3. «Дискуссионное поле»: особенности изображения идейно-нравственных исканий персонажей-интеллигентов (Чехов «Моя жизнь» и Горький «Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)»). В «Жизни Клима Самгина» М. Горький «сквозь толщу времени» ведёт повествование о русской интеллигенции, воссоздавая ситуацию «порога» на рубеже веков – для него это уже прошедшее время (тридцать лет назад). Для Чехова события протекали синхронно (время «текущее»). «Диалогическое пространство духовной жизни России» (О. К. Оляндер) есть и в чеховских произведениях, и в «Жизни Клима Самгина». Мы называем его «дискуссионным полем». При всей условности, единое «дискуссионное поле» не беспредельно-неохватно (в отличие от «пространственности» – русский простор и др.). Дискуссии проводились интеллигентами в «системе», участники сознательно придерживались «линии» (основных тем, правил ведения полемики на общественные темы, политические и пр.). Полагаем, обычаем русских разговоров о политике «за чаем», «рамки» беседы культивировали народники: чаепитие может незаметно перетекать в интеллектуальную сферу. В процессе напряженной дискуссии интеллигенты обретают чувство «единения», *приобщения к общему делу*. В финале полемики возникает «искомое» – чувство внутренней свободы, независимости, самосознания личности, ответственной за судьбу народа, чувство гордости за Россию.

В повести А. Чехова «Моя жизнь» инициатором беседы выступает доктор Благово, участвует в беседе Мария Викторовна, дочь инженера Должикова, а главный герой интеллигент Мисаил Полознев следит за ходом развернувшейся дискуссии. Тезис выдвигает Мария Викторовна. Она говорит о разделении людей на прогрессивных и «средних». Известно, что в 1890-е гг. Чехова интересовали типы обыкновенных русских людей, его современников [13, 388]. Мария Викторовна относит себя к «средним». Чехов пишет: «Талантливые, богато одарённые натуры, <...> знают, как им жить, и идут своей дорогой; средние же люди <...> ничего не знают и ничего сами не могут; им ничего больше не остаётся, как подметить какое-нибудь глубокое «общественное течение и плыть, куда оно понесёт» [16, 558]. Проблему «среднего» человека, его реализации в жизни, вопрос о существовании того, что сам А. Чехов называл в письме А. Плещееву «тенденцией», поднимает доктор Благово: «Разве можно подметить то, чего нет? – спросил доктор <...> Так ли? Общественные течения – это новая литература выдумала. Их нет у нас. Начался спор» [16, 558]. Полознев наблюдает за ходом полемики, как отмечалось: «прежде всего преломлённой в конкретном воспринимающем сознании» [13, 386].

Ни одна дискуссия не обходится без литературных примеров, ассоциаций, прямого цитирования. Мария Викторовна Должикова, в отличие от «неопределившегося» Полознева (в детстве сверстники нарекли его «маленькая польза»), давно придумала собственный «сценарий» для своей «взрослой», самостоятельной общественно-полезной жизни. Она твёрдо идёт к намеченной цели, то есть воплощает задуманное не лично для себя, но для народа – улучшения жизни крестьян из соседней деревни Куриловка. Полознев необходим Марии Викторовне как опора, единомышленник, как человек, в котором она узрела «подлинную» сильную и самодостаточную личность. В соответствии с представлением о «богато одаренных» и «средних» людях, Должикова принимает единственно верное решение, делает выбор и соединяет судьбу с прогрессивным Полозневым. Действительно, раньше она лишь искала «общественное течение», идти за течением («плыть») было гораздо легче, нежели реально воплощать хорошо продуманный «проект». Не удивительно, что благие намерения прогрессивной женщины не принесли ожидаемого результата немедленно. Сюжетная линия любви Полознева к Марии Викторовне обрывается – из-за метаний героини, разочаровавшейся в «самостоятельности» и пожелавшей «переписать» свой сценарий жизни на другой, подходящий её эстетической натуре [6].

Черта мышления русских интеллигентов – книжность. М. Горького интересовала особенность русской ментальности – желание образованных людей постоянно что-то воображать, подобно писателям, придумывать несуществующее. Слово «выдумывать» – характерный глагол в их повседневных беседах. Почему этот глагол так часто используется писателем? Свет проливает мысль Горького в одном из писем С. Цвейгу, которую приводит Т. Р. Гавриш: «Сейчас я пишу о русских людях, которые, как никто другой, умеют *придумывать свою жизнь, придумывать самих себя*» (...15 марта 1925 г.)» [7, 795]. Обратимся к тексту – к первой части «Жизни Клима Самгина». В становлении характера Клина огромную роль сыграла его семья и друзья дома, люди, близкие Самгиным. В основном это интеллигенты-народники, разделяющие ценности своего поколения. Мальчик Клима хорошо запомнил слово «выдумать» в речи родственников, причём слово интерпретировали «по ситуации». Вот ряд примеров привычки интеллигентов «придумывать самих себя»: родители «выдумали» необыкновенность старшего сына – Клина, в то время как Дмитрия, младшего, «запрограммировали» как «обыкновенного». Горький затрагивает сложные вопросы, которые волновали и Чехова – ведь писатель не выносил подобной

искусственности, неестественности в отношениях людей, не терпел и толики фальши. Дедушка Клима заметил: «Вы все портите ребёнка, выдумываете его» [3, 12], но к его мнению родители не прислушались (старика считали «мизантропом»). Своему отцу Ивану Самгину Клим доверял больше, точнее, его тезису: «... всё хорошее выдуманно» [3, 13], на бытовом уровне выделены слова бабушки – кухарке («Выдумай сама что-нибудь» [3, 13]) и далее, на высшем уровне, реализуется: «умение придумывать свою жизнь, придумывать самих себя» [7, 795]. Как и А. Чехов, М. Горький использует несобственно-прямую внутреннюю речь для воссоздания своеобразной логики Клима. С детства герой наблюдал за взрослыми и перенял у них «выдумывание»: «И всегда нужно что-нибудь выдумать, иначе никто из взрослых не будет замечать тебя и будешь жить так, как будто тебя нет или как будто ты не Клим, а Дмитрий» [3, 13].

В первой части «Жизни Клима Самгина» в свете «чеховских ценностей» («святая святых») изображена борьба интеллигентно-народников «за свободу и культуру» – против рабства. Этой проблематике посвящены семейные воспитательные беседы и сцены-описания дискуссий в кружке писателя Нестора Катина. Нестор Катин – это псевдоним, писатель одевался «а la мужик», походил на мастерового, привыкшего «хорошо зарабатывать» и «жить весело». Центральные темы его бесед: Маркс, Толстой, интеллигенция, личность и история. Личность Катина привлекала молодёжь: он подчёркивал своё народолюбие и прогрессивность, затрагивал женский вопрос, выдавал рекомендации по обязательному «прогрессивному» чтению («История города Глупова» Салтыкова-Щедрина, проза Глеба Успенского, А. Герцена). Каждая сцена-дискуссия достаточно подробная, занимает от двух до пяти страниц. Во главу угла ораторы ставили требование «правды». Правду о жизни народа всегда говорила русская литература. Отметим, что Чехов писал об идеале писателя, об «абсолютнейшей свободе» («если бы был большим художником» [15, 11]), при этом у Антона Павловича акцентирована независимость как обязательное условие «правды». Обычно, приветствуя молодёжь, Катин вопрошал о состоянии современной литературы: «литература откололась от жизни, изменяет народу; теперь пишут красивенькие пустячки для забавы сытых; чутьё на *правду* потеряно» [3, 94]. Иронией пронизана вся сцена. Самгин внимательно наблюдает за логикой, позицией участников дискуссии и про себя тотчас уличает говорящего в «выдуманности», ходульности, схематизме – вместо «абсолютнейшей свободы». Так, персонаж, напоминающий внешне «кормилицу», после тезиса Катина, словно по обязанности, методично проговаривает

заученное: «о запросах народной души, обязанностях интеллигенции и особенно много об измене детей священным заветам отцов» [5, 94]; «народ есть субстанция, то есть первопричина», а «дети», в отличие от «отцов», привержены марксистскому учению о классах (чужому – немецкому). Убийственны детали в характеристике одного из пропагандистов: «знарок обязанностей интеллигенции <...> водку пьёт, не скрывая отвращения к ней и как бы только по обязанности» [3, 94]. В последующих сценах встреч в доме Катина речи ведутся о самом главном: «Это вопрос глубочайшего, общечеловеческого значения <...> о русской интеллигенции, о людях, чья участь – тюрьма, ссылка, каторга, пытки, виселица» [3, 97]. Слова о казнях названы «обыкновенными, ходовыми словечками» [5, 97]. У Горького само помещение – флигель, место дискуссий, это психологизированное пространство (подобно чеховскому приёму оживления предмета), его описание – развёрнутая метафора. Образ флигеля дан сквозь призму восприятия Самгина в его «конкретном воспринимающем сознании» [13, 386]. Горький приводит оценку старшего Варавки, а следом – реакцию Клина. Рассмотрим эту сцену. *«Обычная русская квасоварня. Балаган, в котором показывают фокусы, вышедшие из моды». Клим подумал, что это сказано метко, и с той поры ему показалось, что во флигель выметено из дома всё то, о чём шумели в доме лет десять тому назад»* [3, 96]. В доме десять лет назад царил дух народничества. На этот «выметенный» хлам и указывает Клим. Ещё более снижает пафос народолюбия следующая деталь: в воскресные дни у Катина серьёзные беседы сменялись вечерами отдыха, с хоровым исполнением любимых русских народных песен и танцами под гармонику. Горький использует сарказм: «Варавка сердито назвал это веселье: – Рыбьи пляски» [3, 95]. Итак, в словах Варавки «рыбьи пляски», «русская квасоварня», «балаган» выражена точка зрения об иллюзорности, истощенности различных искусственных измышлений, «сценариев» народничества по улучшению жизни и глубокий скепсис в отношении радикальных/революционных идей. Позиция старшего Варавки тождественна негативной оценке Чеховым народнических проектов. Комментарий Клина о фальши в речи интеллигентов сменяется внутренней несобственно-прямой речью. Из внутренней речи Самгина читатель узнаёт, что именно герой почерпывал для себя на посиделках: «кое-какие мысли и меткие словечки, но ещё нечто, не совсем ясное, но в чём он нуждался; он оценивал это как знание людей» [3, 96]. Чехов незримо присутствует в духовном «диалогическом пространстве» произведений Горького, чувствуется трепетное отношение автора

к старшему другу и учителю. Память об А. П. Чехове – в знаках, рассыпанных в тексте «Жизни Клима Самгина»: например, во второй части повести в развёрнутой сцене благотворительной костюмированной вечеринки у Лютова из столичной богемы был приглашён искуснейший чтец рассказов Чехова – Ермаков.

Итак, мы наблюдаем в повести «Моя жизнь» и в «Жизни Клима Самгина» общее «диалогическое пространство духовной жизни России»: Чехов и Горький исследовали вопросы об «идейно-нравственной сущности человека», его моральной ответственности за поступки. Анализ фрагментов из повести «Жизнь Клима Самгина» подтверждает идею о преемственности приёмов психологизма Чехова в поздней прозе Горького, а также идеи о значении гуманизма, духовных поисках героев литературной классики: «... в своих философско-этических поисках [герои – М. Б.] руководствуются высокими идеалами добра и справедливости <...>. Они ищут не удобную позицию в мире, а высшую, безусловную нравственную правду <...>, потому что в поисках речь идёт о счастье человека, народа, человечества» [3, 29], [4, 257].

Заключение. В результате анализа общего «дискуссионного поля» в текстах произведений «Жизнь Клима Самгина» и «Моя жизнь» установлено: обратившись к теме идейно-нравственных исканий русской интеллигенции в «переломное время», Чехов и Горький художественно исследовали тип интеллигента, конкретную судьбу в её связях с исторической эпохой. В свете собственной аксиологии писатели выразили предостережение современникам – о последствиях для человека косности, ограниченности, «недумания», отсутствия развития, и, в равной степени, опасности радикальных «шагов». Преломление «чеховских ценностей» (его «святая святых») в повествовании Горького происходит в обобщенном виде: в изображении борьбы интеллигентов-народников «за свободу и культуру», против рабства во всех его проявлениях в период распространения марксизма в капитализирующейся России конца XIX в. Чехов и Горький заняли мужественную позицию – категорического неприятия всякого небрежения к человеку, равнодушия, насилия над ним, его душой в силу уости взгляда, обывательской морали, – в свете «чеховских ценностей». Писатели подняли вопрос об ответственности «избранных» за социальные эксперименты набирающего силу марксизма, не учитывающие интересы отдельной личности, провозглашали уникальность каждой человеческой жизни как бесценного дара.

Литература

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Бедрикова М. Л. О миссии поколения русской интеллигенции конца XIX – начала XX вв. (М. Горький «Жизнь Клима Самгина») // Libri Magistri. 2020. № 1 (11). С. 45–61.
3. Горький М. Собр. соч.: в 16 т./ сост. и общая ред. Н. Н. Жегалова. Москва: Изд-во «Правда», 1979. Т. 11: Жизнь Клима Самгина (Сорок лет). 576 с.
4. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. Москва: Советский писатель, 1990. 400 с.
5. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы: Кн. для учителя. Москва: Просвещение, 1988. 176 с.
6. Зайцева Т. Б. «Этический» и «эстетический» способы существования в повести А. П. Чехова «Моя жизнь» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 336–348.
7. Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / Сост.: О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. Санкт-Петербург: РХГА, 2018. 880 с.
8. Материалы международной онлайн конференции «Творчество А. П. Чехова в современном мире» // Libri Magistri. 2020. №2 (12). С. 12–123.
9. Нагибин Ю. М. Дневник: в 2 т. Т. 1. Москва: Книжный Клуб Книговек, 2020. 448 с.
10. Оляндер Л. К. Горьковская художественно-философская модель русской жизни в романе «Жизнь Клима Самгина» // Максим Горький: pro et contra: антология. Современный дискурс / Сост.: О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. Санкт-Петербург: РХГА, 2018. С. 719–728.
11. Перевозная Е. В. Воспитание на уроках литературы (Из опыта). Минск: Народная асвета, 1968. 160 с.
12. Прилепин З. Книжчѐт: пособие по новейшей литературе с лирическими и саркастичекими отступлениями. Москва: Астрель, 2012. 444 с.
13. Русские писатели. Биобиблиогр. Словарь [в 2 ч.]. Ч. II М – Я / Редкол.: Б. Ф. Егоров и др.; под ред. П. А. Николаева. Москва: Просвещение, 1990. 448 с.
14. Сборники А. П. Чехова: межвузовский сборник / отв. ред. А. Б. Муратов. Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1990. 151 с.

15. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 3. Письма, Октябрь 1888- декабрь 1889 / Тексты подгот. и прим. И. Е. Гитович, Н. И. Гитович; ред. третьего тома З. С. Паперный. Москва: Наука, 1976. 576 с.
16. Чехов А. П. Избранные произведения: в 3 т. Т. 2. Повести и рассказы (1888–1896) / Тексты подгот. и прим. И. Е. Гитович, Н. И. Гитович; ред. третьего тома З. С. Паперный. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1960. 611 с.
17. А. П. Чехов: pro et contra, антология. Т. 3. / Сост., вступ. статья, комментарии И. Н. Сухих. Санкт-Петербург: РХГА, 2016. 880 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1975. 504 p.
2. Bedrikova M. L. O missii pokoleniya russkoi intelligentsii kontsa 19 —nachala 20 v. (M. Gor'kii «Zhizn' Klima Samgina») // Libri Magistri. 2020. № 1 (11). Pp.45–61.
3. Gor'kii M. Sobr. soch.: v 16 t./ sost. i obshchaya red. N. N. Zhegalova. Moscow, Izd-vo «Pravda», 1979. Т. 11: Zhizn' Klima Samgina (Sorok let): povest'. 576 p.
4. Gor'kii M. Nesvoevremennye mysli: Zametki o revolyutsii i kul'ture. / M. Gor'kii. Moscow, Sovetskii pisatel', 1990. 400 p.
5. Esin A. B. Psikhologizm russkoi klassicheskoi literatury: Kn. dlya uchitelya. Moscow, Prosveshchenie, 1988. 176 p.
6. Zaitceva T. B. «Eticheskii» i «esteticheskii» sposoby sushchestvovaniya v povesti A. P. Chekhova «Moja zhizn'» // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2008. №22. Pp. 336-348.
7. Maksim Gor'kii: pro et contra, antologiya. Sovremennyyi diskurs / Sostaviteli: O. V. Bogdanova, V. T. Zakharova, L. A. Spiridonova, M. G. Urtmintseva. Saint Petersburg, RKhGA, 2018. 880 p.
8. Materialy mezhdunarodnoi onlain konferentsii «Tvorchestvo A. P. Chekhova v sovremennom mire» // Libri Magistri. 2020. № 2 (12). 136 p.
9. Nagibin Yu. M. Dnevnik: V 2 t. T.1. Moscow, Knizhnyi Klub Knigovek, 2020. 448 p.
10. Olyander O. K. Gor'kovskaya khudozhestvenno-filosofskaya model' russkoi zhizni v romane «Zhizn' Klima Samgina» / Maksim Gor'kii: pro et contra, antologiya. Sovremennyyi diskurs / Sostaviteli: O. V. Bogdanova, V.T. Zakharova, L. A. Spiridonova, M. G. Urtmintseva. SPb: RKhGA, 2018. 880 p.

11. Perevoznaya E. V. *Vospitanie na urokakh literatury* (Iz opyta). Minsk: Narodnaya asveta, 1968. 160 p.
12. Prilepin Z. *Knigochet: posobie po noveishei literature s liricheskimi i sarkasticheskimi otstupleniyami*. Moscow, Astrel', 2012. 444 p.
13. *Russkie pisateli. Biobibliogr. Slovar'* [v 2 ch.]. Ch. II M – Ya / Redkol.: B. F. Egorov i dr.; pod red. P. A. Nikolaeva. Moscow, Prosveshchenie, 1990. 448 p.
14. *Sborniki A. P. Chekhova: mezhvuzovskii sbornik / otv. red. A. B. Muratov*. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1990. 151 p.
15. Chekhov A. P. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. T. 3. Pis'ma, Oktyabr' 1888- dekabr' 1889 / Teksty podgot. i prim. I. E. Gitovich, N.I. Gitovich; red. tret'ego toma Z.S. Papernyi*. Moscow, Nauka, 1976. 576 p.
16. Chekhov, A.P. *Izbrannye proizvedeniya: V 3 t. T. 2. Povesti i rasskazy (1888–1896 / Teksty podgot. i prim. I. E. Gitovich, N. I. Gitovich; red. tret'ego toma Z.S. Papernyi*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1960. 611 p.
17. A. P. Chekhov: pro et contra, antologiya. T. 3. / Sost., vstup. stat'ya, kommentarii I.N. Sukhikh. Saint Petersburg, RKhGA, 2016. 880 p.

IDEOLOGICAL AND MORAL SEARCH OF HEROES-
INTELLECTUALS IN THE EPIC OF M. GORKY "THE LIFE OF CLIM
SAMGIN" IN THE LIGHT OF CHEKHOV'S VALUES

M. L. Bedrikova

Assistant Professor, Candidate of Sciences (Philology), Department
of Linguistics and Study of Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical
University (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to an important problem of a new reading of the works of A.P. Chekhov and M. Gorky, namely the authors' understanding of humanism. "Chekhov's values" are the guarantor of the preservation of Russian culture and its moral values. The article examines the ideological and moral searches of the heroes- intellectuals in Gorky's "The Life of Klim Samgin (Forty Years)" in comparison with the searches of the heroes in the story "My Life" by Chekhov – in the light of "Chekhov's values." There is a "discussion field" in the texts of the classics devoted to the "mission" of the intelligentsia in the revolutionary era, which means that there is a need to study it. Each author, in his own artistic way, depicts and comprehends the personality of a Russian intellectual and the fate of the intelligentsia in connection with the era. In the light of their own axiology, the writers express a warning

to their contemporaries – about the dangerous consequences for a person of all kinds of inertia, limitations, the lack of development, as well as the danger of radical "steps". The interpretation of "Chekhov's values" (his "holy of holies") in Gorky's narration is observed at the level of content (the struggle of the populists "for freedom and culture", against slavery in all its manifestations, the spread of Marxism at the end of the 19th century) and at the level of poetics. A complex of different methods is used in the article: a historical and literary method, a typological method and comparative analysis. "The matrix of interpretations is becoming practically boundless", – this is the opinion of literary critics of the 21st century [16, 19]. The article polemically focuses on the problem of an objective approach, clarifies the views of Russian literary criticism on the phenomenon of the Russian intelligentsia, the specifics of understanding of the moral values at the turn of the 19th-20th centuries, these values great Russian literature still preserves for future generations.

Keywords: M. Gorky, «The Life of Klim Samgin», A. P. Chekhov "My Life", humanism, Russian intelligentsia

Для цитирования: Бедрикова М. Л. Идеино-нравственные искания героев-интеллигентов в произведении М. Горького «Жизнь Клим Самгина» в свете чеховских ценностей // Libri Magistri. 2020. № 3 (14). С. 12–25.

Поступила в редакцию 09.07.2020